

Половцы в ранних летописях: оценки и интерпретации летописцев*

Polovtsians in the Early Chronicles: Assessments and Interpretations by the Chroniclers

**Елена Леонидовна
Конявская**

Институт российской истории РАН
(Москва)

Elena L. Konyavskaya

Institute of Russian History of the
Russian Academy of Sciences
(Moscow)

Резюме

Цель статьи — исследовать летописный образ половцев с точки зрения их непосредственного восприятия русью — как врагов и соседей, союзников и родственников. Нарративы и сообщения ранней летописной традиции дают возможность проследить формирование такого образа половцев и динамику его трансформации.

Ключевые слова

половцы, Повесть временных лет, Лаврентьевская летопись, Ипатьевская летопись, язычники, Владимир Мономах

Abstract

The purpose of this article is to investigate images of Polovtsians (Cumans) in the chronicles in terms of their direct perceptions by Russians—as enemies and neighbors, allies and relatives. Narratives and messages in the early chronicle tradition enable us to trace the formation of such images and the dynamics of their transformation.

The study was conducted on the basis of reports and narratives in the Laurentian and Hypatian Chronicles that transmit events of the pre-Mongol period. The

* Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 13-04-00010.

chroniclers describe the Polovtsians in terms of ethnic, religious, and, sometimes, geopolitical features. In some cases, they appear as a single entity and in others, as individuals. The latter includes contexts in which the Cuman act as allies of the Russian princes.

Analysis of the chronicle material shows that the image of the Polovtsian is a complex and evolving phenomenon. As a general trend, it can be noted that there is a transformation from general references, which are not personalized, to images of Polovtsians either as individuals or as engaging in some kind of community-driven actions with understandable motives and goals. In the assessments of the chroniclers, negative or neutral impressions dominated, with special emphasis on confessional aspects of the Polovtsians they were describing.

Keywords

Polovtsians (Cumans), *Tale of Bygone Years*, Laurentian Chronicle, Hypatian Chronicle, pagans, Vladimir Monomakh

Половцам, сыгравшим столь значительную роль в истории Древней Руси, посвящена обширная литература, разбор которой (от В. Н. Татищева — до работ 60-х гг. прошлого столетия В. Т. Пашуто, П. П. Толочко, С. А. Плетневой и др.) был проведен в книге Р. М. Мавродиной [1983]. В 90-е гг. XX столетия серьезный вклад в изучение истории взаимодействия половцев и Руси внесла книга С. А. Плетневой [1990], а также работа В. Л. Егорова [1994]. Важные выводы о происхождении этнонима *половцы* и географической локализации половецких территорий были сделаны Е. Ч. Скржинской [1986]. В 2001 г. А. А. Инковым была защищена кандидатская диссертация “Древняя Русь и половцы во второй половине XI — первой трети XIII века”, где были сделаны попытки представить картину экономического, духовного и политического развития половцев [Инков 2001]. П. П. Толочко в соответствующей главе своей книги “Кочевые народы степей и Киевская Русь” [Толочко 2003] на обширном материале археологических данных и свидетельств русских и зарубежных письменных источников проследил историю этого этноса и его передвижений начиная с X в. Активно и плодотворно исследуется сегодня трактовка ранними летописцами половцев как некоего языческого этноса (по словам А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского, “образцовых язычников” [Литвина, Успенский 2013, 34–35]) с историософских позиций, в контексте библейских аналогий (см. также [Чекин 2000; Лаушкин 2008; 2013а; 2013б]).

Меньше внимания в научной литературе было уделено летописному образу половцев с точки зрения их непосредственного, можно сказать, “обиходного” восприятия нашими предками — как врагов и соседей, союзников и родственников и т. д. Какую же картину можно наблюдать, избрав такой аспект летописных упоминаний и нарративов, связанных с половцами?

Очевидно, что в Повести временных лет (далее — ПВЛ) в изображении этого степного народа преобладают негативные краски. Правда, первое известие о половцах (1055 г.) выглядит совершенно нейтральным: “Приходи Болушь с Половьци. и створи Всеволодъ миръ с ними. и возвратишася [Половци] вспать ꙗнюду же пришли” [ПСРЛ 1: 162], — что закономерно при сообщении не о конфликте, а о мирном соглашении. Но уже следующее известие говорит о военном столкновении, где Всеволод Ярославич терпит поражение, а летописец, с высоты своих знаний о половцах, говорит, что это “первое зло” от этих кочевников, причем называет их погаными и безбожными. Хотя в известии нет сколь-нибудь развернутого повествования о сражении, в нем имеются фактические детали: указана дата битвы (2 февраля 6569 г.) и так же, как и в первом известии, названо имя половецкого “князя” — Искал. Подобным же образом строится сообщение о поражении княжеского “триумvirата” на Альте (1068 г.).

Рассказ о победе над половцами Святослава Ярославича выглядит иначе, но подробности — о численности войск, мужественной речи князя перед воинами, первоначальном ударе по конному войску, о том, что половцы тонули в Снови, а их князя взяли в плен (Шарукана — согласно Новгородской I летописи младшего извода), — призваны, что естественно, в первую очередь характеризовать победу Святослава, а не создавать портрет его врагов.

Половцы весьма часто называются погаными, т. е. подчеркивается принадлежность их к язычеству, и таким образом акцентируется конфессиональный аспект. Однако информация относительно характера верований половцев, имеющаяся на сегодняшний день, по большей части почерпнута из археологических данных и иностранных свидетельств. Русские же летописи такого материала не содержат, кроме, пожалуй, описания “волчьего” гадания (или волхвования?) хана Боняка перед битвой с венграми в 1097 г., к которой он готовится в союзе с Давыдом Игоревичем: “яко бѣ полунощи. и вставъ Бонакъ ꙗѣха ꙗ вои. и поча вѣти волчьскы и волкъ ꙗвѣса кму. и начаша волци вѣти. мнози. Бонакъ же приѣхавъ повѣда Дѣдѣви. яко побѣда ны ꙗ на Оугры заѣтра” [ПСРЛ 1: 270–271]. Еще один эпизод, дающий некоторую информацию об этом народе, но не о верованиях, а скорее об образе жизни и системе ценностей половцев, — это рассказ Галицко-Волынской летописи, восходящий, видимо, к устным преданиям и половецкому эпосу, где в связи с прославлением Романа Мстиславича вспоминаются победы над половцами Владимира Мономаха, как подчеркивает летописец, деда Романа. Из этого нарратива становится известно, что выгнанный с исконных земель Сырчан питался рыбой, а запах травы евшан (полыни) способен

побудить его оставить благополучное пребывание в Обезских землях и возвратиться в родную степь. Здесь фигурирует также “гудец” Орев, который исполняет половецкие песни.

Само по себе именование половец не только погаными, но и “безбожными” может иметь разные толкования. С одной стороны, это может означать, что, по мнению летописца, половцы не знают не только христианского Бога, но и бога вообще. Однако в особо драматических ситуациях в “безбожность” половец летописцы вкладывают явно другой смысл. Так, монахи Киево-Печерского монастыря, описывая нападение Боняка на обитель, называют его безбожным шелудивым хищником, половец — безбожными сыновьями Измаиловыми. Рассказ о богохульных действиях иноплеменников подтверждает справедливость таких поношений со стороны печерских книжников: половцы “емлюще иконы, зажигаху двери, и оукараху Бѣ и законъ нашъ [. . .] ина слова хулнага глѣху на стѣхъ иконы, насмихающеса” [ПСРЛ 1: 232]. По-видимому, здесь под “безбожностью” половец подразумевается антагонистичность их по отношению христианской вере, христианским святыням.

Очевидное же конфессиональное противопоставление христианской Руси нехристианам-половцам обнаруживает себя в рассказе о победоносном походе в степь 1111 г. Ипатьевская летопись сообщает, что “кназь Володимерь пристави полкъ своя. ѣдучи предъ полкомъ пѣти тропари. и коньдакы. хреста ѿтнаго и канунъ сѣи Бѣи”. Неоднократно подчеркивается, что русские воины возложили “надежу на Бѣ . и на Пречистую Матерь Его. и на стѣхъ анѣлы” и т. п. [ПСРЛ 2: 266], а повествуя о битве, летописец рассказывает об ангельской помощи русским войскам, приводя затем библейские аналогии.

Менее акцентированно это проявлено в повествовании о походе 1103 г. Как ответ на самонадеянные заявления молодых половецких воевод: “мы са не боимъ сихъ бо избивше и поидемъ в землю ихъ. и примемъ вса грады ихъ. и кто избавить ны ѿ насъ?” — говорится, что “Рус-тии же князи и вои молаху Бѣ и Причистии Его Мѣри. ово кутьею. овъ же мѣтнею. къ оубогымъ. овви же манастыремъ трѣбованья. и сице мола-щимъса” [ПСРЛ 2: 253–254].

Еще один характерный отрицательный эпитет, применяемый летописцами к половец — “беззаконные”. Е. Н. Борюшкиной на материале Толковой Палеи было показано, что, хотя слова *грех* и *беззаконие* часто выступали как синонимы, они все же различаются как ассоциированные с Ветхозаветным Законом и Христианским Спасением [Борюшкина 2013]. *Грех* допускает раскаянье, которое будет принято Господом, *беззаконие* же предполагает грядущее возмездие. Разумеется,

Толковая Палая в этом смысле — памятник особый в смысле обращенности против иудеев. В ПВЛ же, например, *беззаконие* связано с любым грубым нарушением нравственных норм. При этом, надо сказать, по отношению к христианам это слово используется только в связи с тяжкими преступлениями — убийствами христиан же, совершенными с откровенным вероломством. Тем не менее, основная тенденция та же: христиане могут вести себя греховно и могут быть беззаконными или совершать беззакония, но нехристиане не могут впасть в грех.

Вместе с тем, как слово *закон*, так и его производное *беззаконие*, ассоциировалось не только с Законом Ветхого Завета, но и обозначало некие конфессионально обусловленные нормы поведения. Это касается вступительной части ПВЛ. Здесь толкование этого понятия оказывается противоречивым, поскольку друг за другом следуют тексты, созданные русским летописцем и заимствованные из Хроники Георгия Амартола. Так, вначале говорится о законе полян, и здесь в одном ряду идут “обычай”, “закон отец” и “предания”. В следующем далее отрывке из Георгия Амартола “закон” оказывается письменно закрепленным феноменом, а “обычай” соблюдают “беззаконники”. После вставки из Амартола, характеризующего различные народы, составитель ПВЛ добавляет пассаж о половцах и говорит, что те “законъ держать вѣць свой” (а не “обычай”). Смысл их верований при этом никак не раскрывается, а лишь приводятся внешние проявления: кровь проливают и “хвалаще ш сихъ”, едят мертвечину и нечистую пищу (хомяков и сусликов) и др. [ПСРЛ 1: 16].

Возможно, восприятие половцев как народа, которому чужды христианские воззрения на мир и морально-этические нормы, усвоенные Русью, и в этом смысле народа “беззаконного”, позволяло совершать в отношении поганых жестокие и коварные поступки. Хотя нельзя сказать, что в летописных повествованиях русские идут на них без всяких колебаний. Владимир Мономах не сразу решается на убийство Кытана с воинами и Итларя с дружиной, которые приходят к нему “на мир” [ПСРЛ 1: 227–229; ПСРЛ 2: 217–219]. Он напоминает советникам, что пребывает с этими половцами “в роте”. Его убеждают, напоминая, что сами половцы нарушали роту неоднократно. Такие советы дают князю бояре — пришедший от Святополка Славята и Ратибор с его окружением¹, и можно было бы увидеть в этом обычное для летописей оправдание сомнительных (или откровенно дурных), с точки зрения христианской этики, поступков правителей тем, что последние поддались убеждениям советников. Однако, похоже, здесь случай иной: и поступки Владимира Всеволодовича, и его литературное наследие представляют его как человека совестливого, для которого нравственная сторона

¹ См. об этом: [Стефанович 2012: 249–251].

жизни была весьма значимой. Кроме того, сомнения его могли быть связаны и с тем, что его малолетний сын Святослав находился в тали у Кытана. И тем не менее, пришедшие по поводу мира половцы были перебиты в результате детально продуманной двойной операции.

Известно, что для русских князей это было не единственно возможным вариантом поведения. Олег Святославич, дав согласие идти с Владимиром и Святополком на оставшихся без правителей и военной элиты половцев, не пошел с ними “в путь единь”, а на требование выдать либо убить находившегося у него сына Итларя ответил отказом.

В своих “Путях и ловах” Владимир Мономах бесстрастно перечисляет исеченных и брошенных в реку половецких “князей” и “кметей молодых”, которые были взяты в плен. Однако до этого он говорит о лучших князьях половецких, освобожденных им от оков. Очевидно, для этого времени убийство пленных половцев не было правилом или неким принципом, участь их решалась в зависимости от различных обстоятельств. Характерен в этом смысле рассказ ПВЛ об убийстве хана Белдюзя, захваченного в плен после битвы 1103 г. Половецкий вождь просит сохранить ему жизнь и сулит богатый выкуп: золото, серебро, коней и скот. Святополк же посылает его к Владимиру Мономаху, последний произносит гневную речь, обвиняя хана в нарушении роты, причем не только им самим, но и его сыновьями и всем “родом его”. Лишь после этого князь велит его убить, и Белдюзя рассекли “на оуды” [ПСРЛ 2: 255]. По-видимому, за обвинительными словами Мономаха стояли реальные факты. Возможно, имелись в виду какие-то конкретные нарушения со стороны половцев Саковского мира [Расовский 2012: 212–213], либо Владимир Мономах был какое-то время в союзе с кем-то из рода этого хана и столкнулся с вероломством союзника².

Есть закономерная неоднозначность и в трактовке летописцем ситуации при описании столкновения у Переяславля с половцами Святополка Изяславича и Владимира Всеволодовича (1096 г.). Уже с самого начала летописец подчеркивает, что Тугоркан, пришедший к Переяславию, — тесть Святополку, а в конце рассказывает о том, что Святополк разыскал тело Тугоркана “и взаша и Сѣополкъ. акы тѣста своѣго и врага. [и] привезше и г Къюеву. погребоша и на Берестовѣмъ. межу путемъ идущимъ на Берестово. и другимъ в манастырь идуще” [ПСРЛ 1: 232], видимо, по половецкому обычаю.

В рассказах о борьбе с половцами Михалки Юрьевича, сына Юрия Долгорукого, говорится о некоторой рефлексии “наших” относительно

² Тактическую политику, направленную на заключение сепаратных союзов с представителями отдельных половецких кланов, к которой прибегал Владимир Всеволодович, отмечал П. П. Толочко [2003: 108].

участи захваченных в плен половецких “сторожей”, которые дали ценные сведения о размере и передвижении основных войск. Прежде чем сообщить, что русские воины решаются на убийство всех пленных, летописец счел необходимым привести их размышления и аргументы: “уже дамы симъ животь а Половецъ много есть назади. а нѣсть мало. уже са с ними начнѣ бити то се нѣ будуть первии ворози. и избѣша ѿ всѣх. не оупустивше ни мужа. и поидоша по дорозѣ ихъ” [ПСРЛ 1:359]. Впрочем, такого рода рефлексии русская военная элита была подвержена далеко не всегда. Изяслав Мстиславич в 1149 г., захватив “дикого половеца” из числа союзников Юрия Долгорукого и узнав от него нужные сведения, тут же велит его убить.

Со временем менялись взаимоотношения с половецами (что связано с целым рядом победоносных походов русских князей в нач. XII в., установлением родственных связей, устойчивых союзнических взаимодействий с тем или иным княжеским родом и т. д.), и менялись некоторые принципы изображения этих кочевников. Так, в ПВЛ до 80-х гг. XI в. можно отметить отсутствие какой-либо персонификации, даже когда называются имена ханов или воевод: их образы остаются не индивидуализированными, например: “Воеваша Половци оу Растовьца. и оу ІѦтина” (6579 г.) [ПСРЛ 1: 174]; “Приде Романъ с Половци къ Воину. Всеволодь же ста оу Переяславла. и створи миръ с Половци. и възвратиса Романъ с Половци въспать. [и] бѣвшю юму. оубиша и Половци. мѣца. августа .ѡ. днь” (6587 г.) [ПСРЛ 1: 204], — в данном случае не объясняется даже, почему ими убит их союзник Роман.

Однако уже под 6590 г. читается известие: “Усень. оумре Половечьскѣи князь” [ПСРЛ 1: 205], — которое свидетельствует об осведомленности летописца в отношении событий в Степи, при этом оно никак не увязано с русско-половецкими контактами. Не обнаруживается в нем и каких-либо негативных оценок и характеристик. Затем периодически, начиная с краткой ремарки под 6601 г., где сообщается, что половецы идут на Русь, “слышавше ѿко оумерлъ ксть Всеволодь” [ПСРЛ 1: 218], летописцы указывают мотивы поступков половецев.

В рассказе 1103 г. о походе коалиции русских князей в степь дается даже высокая оценка воеводе Алтунопе, возглавлявшему половецких “сторожей”: “иже словаше в нѣ мужствѣ” [ПСРЛ 1: 278]. При этом характерно, что после рассказа о съезде русских князей, где обсуждались сроки похода на степняков, повествуется о подобном же “съезде” у половецев. Причем сюжет сходствует с изображением таких советов русской элиты: некий старейшина Урособа призывает к осмотрительности и заключению мира, “унѣишии” заносчиво стремятся к войне, не сомневаясь в победе.

Особого внимания заслуживают половцы — союзники русских князей (Ольговичей, Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского и др.) середины XII в. Ярким примером стиля их взаимоотношений с русскими князьями является эпизод Ипатьевской летописи под 6655 г., когда к Святославу Ольговичу, стоявшему у Неринска, пришли “сли ис Половецъ. ѿ оуевъ его. съ Василемъ Половциномъ. ꙗко чади прислалиса бахоуть тако рекоуче прашаемъ здоровья твоего. а коли ны велишь к собѣ со силою прити” [ПСРЛ 2: 341]. Позже при переходе Святослава к Дедославлю к нему приходят другие половцы, также предлагая в помощь свои военные силы.

Андрея Боголюбского, в пылу боя оторвавшегося от союзных половецких полков, останавливает “кдѣн же Половчинъ”, который “ятъ конь под нѣ за поводъ. и възврати и лац дружинѣ свои. зане бахуть встали кго вси Половци” [ПСРЛ 2: 333]. А в отношении Ольговичей можно даже увидеть признаки включения союзных половец в состав военной элиты. Так, в статье 1146 г. половцы называются после князей, но до бояр: Святослав Ольгович советуется “с брѣю. и с Половци. с моужи своими” [ПСРЛ 2: 334].

И наконец, неожиданно крайне отрицательный образ половец представлен в повествовании о событиях 1222–1223 г., хотя половцы сначала выступают как пострадавшие от татар, а затем — против последних как союзники Руси. Уже с первых строк половцы аттестуются безбожными, окаянными и незаконными, об уничтожении большей их части татарами говорится без всякого сожаления и сочувствия: “Половчъ безбожныхъ множество избиша, а инѣхъ загнаша, и тако измроща убиваеми гнѣвомъ Божиемъ и Пречистыя Его Матере; много бо зла створиша ти оканнии Половчи Русьской земли, того ради Всемиловитвы Богъ хотя погубити безбожныя сыны Измаиловы Куманы, яко да отмстятъ кровь крестьяньску, еже и бысть над ними незаконными” [НПЛ: 62].

Согласно летописным рассказам³, “избыток” половец приходит к русским князьям с дарами и просит не оставлять их один на один с татарами. Мстислав Удатный, женатый на дочери Котяна, обращается к русским князьям с просьбой внять мольбам половец, но не из челоколюбия, а лишь с прагматической аргументацией: “оже мы, братье, симъ не поможемъ, тѣ си имуть придатися к нимъ (т. е. татарам. — Е. К.), тѣ онѣмъ болши будетъ сила”. Но далее, правда, говорится, что русские войска двинулись в путь против татар “поклона дѣля и молбы князь Половчѣскихъ” [НПЛ: 62]. Такую тональность повествования можно

³ Как известно, наиболее ранний и полный текст Повести о битве на Калке сохранился в Новгородской 1 летописи.

объяснить тем, что с посл. четв. XII в. отношения с половцами стали более напряженными, чем, скажем, в сер. XII столетия. Особенно страдал от их агрессии близкий к ним Переяславль. Однако можно предложить и другое объяснение этому. В Повести о битве на Калке показано, как именно эти половцы, которые побудили русских князей выступить против татар, в решительный момент битвы побежали, смяв в этом бегстве русские войска: “и потъпташа бежаще станы русскихъ князь, не успѣша бо исполчитися противу имъ; и смятошася вся, и бысть сѣця зла и люта” [НПЛ: 63]. Такое поведение половцев не могло не вызвать отрицательного отношения к ним летописца, что и сказалось уже в начале повествования об этих событиях.

Из приведенного материала можно понять, что образ половцев представлял собой сложный развивающийся феномен. В качестве общей тенденции можно отметить его трансформацию от общих неперсонифицированных упоминаний к изображению их как индивидуумов или некоей общности, движимой в своих действиях понятными мотивами и целями. При этом в оценках летописцев преобладают краски либо негативные, либо нейтральные, и в первом случае неизменно акцентируется конфессиональный аспект.

Библиография

Источники

НПЛ

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Москва, Ленинград, 1950.

ПСРЛ 1

Полное собрание русских летописей, 1, Ленинград, 1926–1928.

ПСРЛ 2

Полное собрание русских летописей, 2, С.-Петербург, 1908.

Литература

Борюшкина 2013

Борюшкина Е. Н., “«Грехъ» и «беззаконие» в Толковой Палее”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 4(54), 2013, 49–54.

Егоров 1994

Егоров В. Л., “Русь и ее южные соседи в X–XIII веках”, *Отечественная история*, 6, 1994, 184–200.

Инков 2001

Инков А. А., “*Древняя Русь и половцы во второй половине XI – первой трети XIII века*” (дисс. [. . .] кандидата исторических наук, Саранск, 2001).

Лаушкин 2008

Лаушкин А. В., “Русско-половецкие контакты в свете летописной лексики этноконфессионального размежевания”, в: *Восточная Европа в древности и средневековье: XX чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто*, Москва, 2008, 128–132.

——— 2013а

Лаушкин А. В., «Провиденциальные круги» народов в русском летописании XI–XIII в.», *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 3(53), 2013, 78–79.

——— 2013б

Лаушкин А. В., «Наследники праотца Измаила и библейская мозаика в летописных известиях о половцах», *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 4(54), 2013, 76–86.

Литвина, Успенский 2013

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б., *Русские имена половецких князей: Междинастические контакты сквозь призму антропонимики*, Москва, 2013.

Мавродина 1983

Мавродина Р. М., *Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы). Историографический очерк*, Ленинград, 1983.

Плетнёва 1990

Плетнёва С. А., *Половцы*, Москва, 1990.

Расовский 2012

Расовский Д. А., *Половцы. Черные Клобуки: Печенеги, Торки и Берендеи на Руси и в Венгрии* (= Материалы и исследования, 1), Москва, 2012.

Скржинская 1986

Скржинская Е. Ч., «Половцы. Опыт исторического исследования этникона», *Византийский временник*, 46, 1986, 255–269.

Стефанович 2012

Стефанович П. С., *Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках*, Москва, 2012.

Толочко 2003

Толочко П. П., *Кочевые народы степей и Киевская Русь*, С.-Петербург, 2003.

Чекин 2000

Чекин Л. С., «Безбожные сыны Измаиловы. Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре», в: *Из истории русской культуры*, 1, Москва, 2000, 691–716.

References

Boriushkina E. N., ««Grekh» i «bezakonie» v Tolkovoi Palee», *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 4(54), 2013, 49–54.

Chekin L. S., «Bezbozhnye syny Izmailovy. Polovtsy i drugie narody stepi v drevnerusskoi knizhnoi kul'ture», in: *Iz istorii russkoi kul'tury*, 1, Moscow, 2000, 691–716.

Egorov V. L., «Rus' i ee iuzhnye sosedi v X–XIII vekakh», *Otechestvennaia istoriia*, 6, 1994, 184–200.

Laushkin A. V., «Russko-polovetskie kontakty v svete letopisnoi leksiki etnokontsional'nogo razmezhevanii», in: *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e: XX chteniia pamiati chl.-korr. AN SSSR V. T. Pashuto*, Moscow, 2008, 128–132.

Laushkin A. V., ««Providentsial'nye krugi» narodov v russkom letopisanii XI–XIII v.», *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 3(53), 2013, 78–79.

Laushkin A. V., «Nasledniki praottsia Izmaila i bibleiskaia mozaika v letopisnykh izvestiiah o

polovtsakh», *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 4(54), 2013, 76–86.

Litvina A. F., Uspenskiy F. B., *Russkie imena polovetskiikh kniazei: Mezhdinasticheskie kontakty skvoz' prizmu antroponimiki*, Moscow, 2013.

Mavrodina R. M., *Kievskaiia Rus' i kochevniki (pechenegi, torki, polovtsy). Istoriograficheskii ocherk*, Leningrad, 1983.

Pletneva S. A., *Polovtsy*, Moscow, 1990.

Rasovskiy D. A., *Polovtsy. Chernye Klobuki: Pechenegi, Torki i Berendei na Rusi i v Vengrii*, Moscow, 2012.

Skrzhinskaya E. Ch., «Polovtsy. Opyt istoricheskogo issledovaniia etnikona», *Vizantiiskii vremennik*, 46, 1986, 255–269.

Stefanovich P. S., *Boiare, otроки, družiny: voenno-politicheskaia elita Rusi v X–XI vekakh*, Moscow, 2012.

Tolochko P. P., *Kochevye narody stepei i Kievskaiia Rus'*, St. Petersburg, 2003.

Елена Леонидовна Конявская, доктор филол. наук
Институт российской истории РАН,
ведущий научный сотрудник Центра по истории древней Руси
117036 Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
Россия/Russia
ekonyavskaya@gmail.com